Н. Ф. Котляр

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОРМЫ ЧАСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ РУСИ

Статья 975 г. «Повести временных лет» гласит: «Лов деющю Свеналдичю, именемъ Лют; ишед бо ис Киева гна по звери в лесе. И узри й Олег, и рече: «Кто се есть?» И реша ему: «Свеналдичь». И заехав, уби й, бе бо ловы дея Олег. И о том бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свеналд: «Пойди на брат свой и прими волость его», хотя отмьстити сыну своему»[1].

В фундаментальном двухтомном издании «Повести» 1950 г. эта статья осталась непрокомментированной. А между тем она интересна не только своей острой фабулой, предваряя междоусобную борьбу на Руси, но и подспудным смыслом, выяснение которого, по нашему мнению, поможет пролить свет на обстоятельства и время зарождения феодального, в данном случае княжеского, землевладения в Киевской Руси.

Действующие лица отраженного в летописи кровавого конфликта — сын Святослава древлянский князь Олег и сын могущественного воеводы Свенельда, правой руки Святослава и его отца Игоря, Лют. Накануне своего последнего похода в Болгарию, как сообщает летопись, «Святослав посади Ярополка в Киеве, а Ольга в Деревех», то есть в Древлянской земле[2]. Выбор Святославом стола для Олега, разумеется, не был произвольным: завоеванная тремя десятилетиями ранее его матерью Ольгой Древлянская земля вряд ли окончательно покорилась, и за ней нужен был верный глаз. И все же многие историки недоумевали в связи с этим решением Святослава: вместо того, чтобы посадить сына в действительно важном городе Русской земли, например в Чернигове, князь отослал Олега в захолустье.

По этому поводу известный дореволюционный историк С. М. Соловьев заметил: «Это вовсе не значит, чтобы этими волостями ограничивались владения русских князей: уже при Олеге все течение Днепра до Киева было в русском владении, в Смоленске и Любече сидели мужи киевского князя, Ольга ездила и рядила землю до самых северных пределов Новгородской земли; следова-

тельно деление Святослава означает, что у него было только двое способных к правлению сыновей, а не только две волости — Киевская и Древлянская; остальные же волости оба брата должны были поделить между собою» [3] (историк не принял в расчет внебрачного сына Святослава, Владимира, поскольку тот вышел на политическую арену Поднепровья позднее).

В этом эмоциональном высказывании сквозит верная мысль: Русская земля поручалась Святославом сыновьям, которые в качестве посадников заменили местных племенных князьков. Перед нами, думается, прообраз административной реформы Владимира Святославича, посадившего многочисленных сыновей в важнейших городах Киевской Руси. О. М. Рапов называет Ярополка и Олега наместниками, которые, однако, рассматривали полученные от отца земли «как полную безусловную собственность» [4]. Подобное утверждение выглядит излишне категорическим хотя бы потому, что мы не знаем, сложилось ли в общественном правосознании Руси третьей четверти X в. столь важное и принципиально новое понятие, как *индивидуальная* феодальная собственность на землю, пусть даже покуда еще княжеская.

Но Лют Свенельдич также имел определенные основания претендовать па Древлянскую землю. Новгородская первая летопись младшего извода, источник чрезвычайно авторитетный (вспомним, что А. А. Шахматов на ее основе реконструировал Начальный летописный свод), под 922 г. свидетельствует: «И дасть же (Игорь), дань деревьскую Свеналду, и имаша по черне куне от дыма. И реша дружина Игореве: «Се дал еси единому мужеве много»[5].

Советские ученые едины во мнении, что Игорь передал Свенельду право собирать в свою пользу дань с Древлянской земли, не передавая тому во владение самой этой земли[6]. Источники определяют подобное пользование доходами с земли термином «кормление». К. Маркс назвал такую систему феодального землепользования леном, состоящим только из дани [7]. Отметим, что передача Игорем Свенельду права взимания дани с Древлянской земли была обычтюй в социальной практике Руси X в. В широко известном рассказе Константина Багрянородного о собирании полюдья в Древнерусском государстве Л. В. Черепний видит свидетельство о «княжеских мужах», получавших в лен сбор дани с общинников» [8].

Важно подчеркнуть, что Свенельд получил весьма значительную долю древлянской дани, на что указывает сравнение статей «Повести временных лет» за 883 («...поча Олег воевати деревляны, и примучив а, имаше на них дань по черне куне») и 914 гг. («Иде Игорь на деревляны, и победив а, и возложи на ня дань болши Олговы») [9]. Однако Свенельду была дарована не вся дань с Древлянской земли. По всей вероятности, установленное Игорем превышение нормы древлянской дани над уровнем взимаемой его предшественником Олегом шло в княжескую казну; но нет сомнения в том, что львиная ее доля («по черне куне от дыма») досталась Свенельду и его семейству.

Сказанное косвенно подтверждается записью «Повести временных лет» под 945 г.: «В се же лето рекоша дружина Игореви: «Отроци Свеньлъжи изоделися суть оружьем и порты, а мы нази. Пойди, княже, с нами в дань, да и ты добудешь, и мы» [10].

Если верить хронологии Новгородской первой летописи младшего извода, Свенельд «кормился» древлянской данью в течение более чем 20 лет. Нетрудно представить, что и он с родней, и его многочисленные дружинники благоденствовали. Понятно и возмущение Игоревой дружины — ведь их предводитель стоял на иерархической лестнице выше Свенельда, а они были беднее «отроков» последнего (или полагали себя таковыми, что не меняет существа дела).

Здесь мы вплотную подходим к одной из основополагающих проблем генезиса феодализма на Руси — о характере первоначальной феодальной земельной собственности. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что «первая форма собственности — это племенная собственность»[11]. Но если верховным

собственником занимаемой им земли было племя в целом (впрочем, на последнем этапе истории родоплеменного строя возникают зачатки индивидуальной земельной собственности, постепенно формируется аллод), то на первых ступенях становления феодализма верховным собственником земли становится уже феодальный класс в целом. Во главе корпорации феодалов стоял князь, являвшийся, таким образом, верховным феодальным собственником государственной территории. Однако, как мы полагаем, общественное самосознание на первых порах вовсе не признавало за князем права индивидуальной, частной земельной собственности.

В самом деле, корпорация феодалов (а к ней принадлежала старшая дружина Игоря) отнюдь не считала права Игоря на Древлянскую землю какими-то исключительными, о чем недвусмысленно говорит «Повесть временных лет». В начале летописной статьи 945 г. речь идет лишь о соперничестве между двумя дружинами: боярской и княжеской. Это и было отражением во мнении общества корпоративного порядка владения землей феодалами. Да и само наделение Свенельда древлянской данью вызвало возмущение Игоревой дружины только потому, что та усмотрела в нем нарушение справедливости такого порядка («Се дал единому мужеви много»). А. А. Шахматов даже полагал, что Игорь погиб от руки Люта Свенельдича в споре из-за древлянской дани [12], но его мнение было скептически встречено историками [13]. Вместе с тем статья 945 г. дает основание предположить, что древлянская дань была разделена: основная ее часть отдана Свенельду, остальное же киевский князь использовал для содержания собственной дружины (полюдье).

Эта предложенная нами двойственность древлянской дани и неустановленность ее норм (ведь собрав ее однажды, Игорь молвит своей дружине: «Идите с данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще» [14]) были причинами того, что Ольга, подавив восстание в Древлянской земле, принципиально изменила ее характер: «И възложиша на ня (Древлянскую землю.— *Н. К.)* дань тяжку; 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду, к Ользе; бе бо Вышегород град Вользин. И иде Вольга по Дерьвьстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляюши уставы и уроки» [15].

Таким образом, Свенельда лишили древлянской дани, которая была разделена между государством и Ольгой. Впрочем, принадлежность Ольге Вышгорода и других поселений оспаривается многими историками, о чем речь пойдет ниже. Сейчас нас интересует иное: окончательно ли лишились Свенельд и его родня «кормления» в Древлянской земле? Летописи умалчивают об этом, но есть основания думать, что в годы правления Святослава Свенельд сумел вернуть себе древлянскую дань, по меньшей мере какую-то ее часть. Как и при Игоре, Свенельд оставался ближайшим помощником и советником Святослава в ратных делах. В изложении содержания русско-византийского договора 971 г. киевский летописец выделяет Свенельда среди сподвижников князя: «Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе, велицем князе рустем, и при Свеналъде, писано при Фефеле синкеле...» и т. д.[16] А в рассказе о возвращении Святослава из Болгарии Свенельду также отводится ведущее место, подчеркнуто, что он — военачальник, служивший еще отцу князя: «И рече ему воевода отень Свеналд: «Пойди, княже, на коних около (в обход.— *Н. К.),* стоять бо печенизи в порезех». И не послуша его (Святослав) и поиде в лодьях» [17]. Как можно судить из источников, Святослав вообще мало заботился о создании княжеского домена, почти всецело погрузившись во внешнеполитические дела.

Весомым, хотя и косвенным доказательством продолжавшегося пользования Свенельдом и его семейством данью с Древлянской земли является то, что его сын Лют поехал из Киева охотиться именно в эту землю (как следует из контекста Новгородской первой летописи младшего извода и «Повести временных лет»). Князья и бояре особенно рьяно оберегали свои охотничьи угодья. Из летописей создается впечатление, что именно «ловища» и «пе-

ревесища» первыми стали восприниматься в общественном сознании как частная собственность феодалов. Трудно предположить, чтобы Лют Свенельдич без каких бы то ни было правовых оснований нарушил княжеское исключительное право охоты.

Исследователи издавна проявляют редкое единодушие в оценке социальной подоплеки конфликта между Олегом Святославичем и Лютом Свенельдичем. Если В. Н. Татищев просто констатировал охотничью природу этого столкновения: «Лют, зовомый, сын Свеналдов, ходил ис Киева для ловли зверей в Древлянской области и внезапу съехался в лесе с Ольгой князем, где учинилась междо ими о ловле распря»[18], то Н. М. Карамзин, по своему обыкновению, дал и моральную оценку случившегося в древлянском лесу: Олег «умертвил сына его (Свенельда.— *Н. К.),* встретясь с ним на ловле в своем владении: причина достаточная по тогдашним грубым нравам для поединка или самого злодейского убийства» [19]. С. М. Соловьев присовокупил к этому, что «везде князья предоставляли себе касательно охоты большие права, жестоко наказывая за их нарушение. Это служит достаточным объяснением происшествия, рассказанного нашим летописцем»[20].

Советская историография в общем приняла подобное объяснение причин кровавой стычки между Олегом и Лютом. Правда, В. В. Мавродип допускал, что в те времена бояре «мирно уживались с князем, собирая дань с земли, где появлялись иногда за тем же и другие княжеские мужи». Вез достаточных документальных оснований ученый полагал, что в то время уже разрасталась и укреплялась частная собственность: «На этой почве (чьей именно собственности, неясно.— *Н. К.)* и произошло столкновение между Олегом Древлянским и Лютом Свенельдичем» [21]. Впрочем, подобное мнение вообще было характерным для нашей историографии 40—50-х годов, удревнявшей крупную феодальную собственность на Руси, исходя при этом более из логических соображений, чем из свидетельств источников.

Рассматривая убийство Люта Олегом и последовавшую вскоре войну между Ярополком и Олегом Святославичами (а затем — выдвижение на первый план их сводного брата Владимира), Б. Д. Греков заметил: «В этих крупных политических событиях, несомненно, была своя логика, скрытая от нас в слишком лаконичной передаче летописца» [22]. По-видимому, наш крупнейший историк имел в виду социальную подоплеку этого события. Однако его тонкое замечание не было должным образом учтено в дальнейшем, и ученые, исследовавшие закономерности складывания феодального землевладения на Руси, продолжали видеть в ссоре Олега с Лютом все то же стремление князя оградить от посягательств свои охотничьи угодья [23]. М. Б. Свердлов, отнесший время складывания княжеского домена к X в., думает, что в него включались и ловища, продолжает: «Показательно, что именно конфликт на «ловах», вероятно, вызванный нарушением права княжеской охоты, стал причиной убийства Люта Свенельдича Олегом Святославичем [24].

Даже И. Я. Фроянов, с особенным удовольствием ниспровергающий авторитеты, не соблазнился пересмотром традиционной точки зрения па рассматриваемое нами событие и в полном согласии с предшественниками утверждает: «Князья ревниво относились к своим охотничьим загонам, оберегая их от вторжения посторонних»; он иллюстрирует сказанное цитатой из «Повести временных лет» о столкновении между Олегом и Лютом[25]. Особняком стоит мнение П. П. Толочко, считающего, что «в основе конфликта (между Олегом и Лютом.— *Н. К.)* лежал вопрос, кому владеть Древлянской землей, которую оба считали своей собственностью на правах пожалования» [26]. Историком верно отмечена истинная социальная подоплека стычки.

Думаем, что объяснение жестокого поступка Олега Святославича в отношении Люта Свенельдича одной лишь заботой князя о сохранении в неприкосновенности своих охотничьих угодий или вообще жестокостью нравов, характерной для того времени, вряд ли

может удовлетворить современную науку. Олег должен был принять во внимание, что Лют являлся сыном могущественного Свенельда, первого среди сподвижников его старшего брата Ярополка. Убийство Свенельдового сына неизбежно должно было повлечь за собой гнев Ярополка.

На это обстоятельство обратил внимание еще С. М. Соловьев, объяснивший неразумное убийство Люта юным Олегом тем, что «воля его (Олега.— *Н. К.)* была подчинена влиянию других, какого-нибудь сильного боярина, вроде Свенельда» [27]. И эта интерпретация подоплеки конфликта не кажется нам правдоподобной не только потому, что упомянутый С. М. Соловьевым Олегов боярин — из области гипотез. В основе столкновения древлянского князя с боярским сыном должна была лежать причина крайне серьезного, принципиального характера, вынудившая Олега пренебречь опасностями, которые несло ему убийство Люта. И эта причина, как мы думаем, состояла в защите князем собственных землевладельческих прав.

Мы обращаемся к одному из наиболее дискуссионных аспектов проблемы генезиса феодализма на Руси — о времени ж обстоятельствах возникновения княжеского землевладения. Иначе говоря, вопрос состоит в том, когда князья, возглавлявшие феодальный класс и вначале персонифицировавшие его корпоративную земельную собственность (и в этой роли раздававшие «кормления», подобные тому, какое получил от Игоря в Древлянской земле Свенельд), стали действительно индивидуальными собственниками и общественное правосознание признало их в этом новом качестве?

Сведения источников на этот счет не только скупы, но и разноречивы, ввиду чего и мнения историков носят различный характер. Поскольку Киевская Русь, по меньшей мере с X в., признается всеми учеными феодальным государством, а основная и определяющая черта феодализма — монопольная собственность феодального класса на землю, то сугубо логическим путем искали эту собственность, причем сразу частную, и в X в., и даже раньше. Б. Д. Греков, допуская возможность существования боярского землевладения в IX—X вв. и не находя подтверждения этого в источниках, писал в своей книге «Киевская Русь»: «Самое верное решение этой задачи будет состоять в допущении, что могущество этих бояр основывалось не на «сокровищах», а на земле» [28].

Еще более откровенно охарактеризовал свой логически-дедуктивный метод поисков крупной частной земельной собственности у русских феодалов IX—X вв. Б. Д. Греков в другой своей фундаментальной работе «Крестьяне на Руси»: «Процесс образования крупной земельной собственности весьма длителен. Сколько-нибудь точную его периодизацию установить невозможно. *Но совершенно необходимо предполагать* (подчеркнуто нами.— *Н. К.),* что если этот процесс дал столь яркие и очевидные результаты к X—XI вв., то он протекал и в VIII, и в VII, и в VI вв., и даже раньше» [29]. Авторитет Б. Д. Грекова, глубокого знатока источников и блестящего теоретика, был и остается столь большим, что его мнение о существовании частного, даже боярского землевладения на Руси в X в. и поныне признается многими учеными.

Поскольку известий отечественных письменных источников о феодальном землевладении на Руси до X в. не существует, а социальная интерпретация свидетельств археологии в данном случае затруднена, обратимся к свидетельствам летописей о росте феодального землевладения в X в., в течение которого, по утверждению Б. Д. Грекова, «этот процесс дал столь яркие и очевидные результаты».

Упомянутые свидетельства немногочисленны и спорны, поэтому однозначное истолкование их Б. Д. Грековым и некоторыми другими историками имело и сторонников, и противников. К первым принадлежал С. В. Юшков, также чисто логически полагавший, что рост крупного землевладения *«должен был быть заметен в X в.»*[30] (подчеркнуто нами.— *Н. К.)*. Но были и решительные противники тезиса о существовании частного землевладения в X в., наиболее авторитетным среди которых

следует считать современника Б. Д. Грекова — С. В. Бахрушина. В отношении свидетельств памятников X в. на данный счет возражения этого выдающегося источниковеда сводятся к утверждению, что «нет ни одного известия о селах (княжеских владениях.— *Н. К.)* X в., которое не носило бы черт легенды» [31]. Ученый имел в виду категорическое утверждение Б. Д. Грекова о том, что землевладение на Руси было в X в. делом вовсе не новым и что «князья и бояре X в. имели свои дворы и хозяйство, база которых, несомненно, заключалась в земле. В частности, это касается двора и хозяйства Ольги» [32].

Действительно, сведения «Повести временных лет», Лаврентьевской летописи XII в. и Устюжского свода о существовании принадлежащих князьям сел в X в. весьма уязвимы с точки зрения источниковедческой критики, что, в частности, подтвердил А. А. Зимин [33]. Его соображения без заметного успеха попытался оспорить М. Б. Свердлов. Крайне сомнительным в теоретическом отношении выглядит, в частности, мнение последнего, будто бы «приведенные сообщения (о княжеских селах в X в.— *Н. К.)* были лишь попутными упоминаниями о княжеских земельных владениях. Поэтому указанные опровержения (С. В. Бахрушина, А. А. Зимина и др.— *Н. К.)* известий о княжеском землевладении представляются неубедительными не только в каждом конкретном случае (?), но и в обобщающем заключении» [34] (!). Подобным образом, разумеется, можно «опровергнуть» любой аргумент.

Крупнейший авторитет в рассматриваемой проблеме Л. В. Черепний отмечал, что в рассказах о княжеских селах X в. «источники слишком удалены от событий, о которых в них идет речь. Эти источники в основном относятся к XII в., а в лучшем случае — ко второй половине XI в. Иногда перед нами позднейшие припоминания, а может быть, и домысел. Наконец, неясно, что же это были за села: загородные замки или усадьбы, были ли они населены челядью или крестьянами и т. д.» [35]. Добавим к этому, что из упомянутых сообщений летописей неизвестно, были ли земли при этих селах и эксплуатировались ли они князем, то есть являлись ли они княжеским землевладением в подлинном смысле этого понятия.

И А. А. Зимин, и Л. В. Черепний сходятся в том, что первые достоверные сведения о княжеских селах и княжеском землевладении относятся к XI в. А. А. Зимин отметил, что статьи 19—40 Краткой редакции «Русской Правды» (созданной, по мнению большинства исследователей, в 70-х годах XI в.) «рисуют живую картину крупного княжеского землевладельческого хозяйства» [36].

Примем во внимание то обстоятельство, что земельная собственность складывалась длительно и постепенно и зафиксированное упомянутым правовым источником княжеское землевладение должно было начать формироваться гораздо раньше 70-х годов XI в. Если еще учесть, что в средневековье законодательство особенно сильно отставало от реальностей и потребностей жизни, то будет правдоподобным полагать, что княжеские земельные владения зарождаются задолго до отражения их бытования в Краткой редакции «Русской Правды». Как справедливо писал Л. В. Черепний, «при всем критическом отношении к известиям о селах X в. нельзя их просто откинуть» [37].

На наш взгляд, помочь выяснению дискуссионного вопроса о зарождении княжеского землевладения в Киевской Руси может начало летописной статьи 975 г. Известно, что X в. был эпохой, когда побеги феодального строя прорастали особенно интенсивно в сравнении с предыдущим временем, а развитие производительных сил выдвинуло на первый план новую форму материальных ценностей — землю. Это требовало приведения в соответствие производственных отношений. Феодальный класс, возглавляемые князем воины-дружинники постепенно оседали на земле, используя для ее обработки сначала холопов из числа пленных, а затем и зависимых крестьян [38].

Это было время, когда общественные отношения регулировались нормами обычного, устного права. И для того

чтобы феодальное (вначале княжеское) землевладение приобрело права гражданства, необходимо было его закрепление в общественном правосознании, признание его прежде всего господствующим, феодальным классом.

Рассказ о ссоре Олега с Лютом приоткрывает, как нам кажется, завесу над ходом процесса выработки в древнерусском общественном мнении самого понятия о правомерности владения князей землей, а следовательно складывания самого феодального землевладения на Руси. Посаженные наместниками Святославом соответственно в Киеве и Древлянской земле Ярополк и Олег после смерти отца (весна 972 г.) стали, вероятно, ощущать себя полновластными властителями, возможно, вкладывая в это понятие уже индивидуальное, частновладельческое содержание. Сказанное касается не только киевского, но и феодально зависевшего от него древлянского князя. Олег Святославич счел свои частновладельческие права на Древлянскую волость законными и абсолютными, неизмеримо выше прав «кормленщика» Люта Свенельдича. По всей видимости, Олег опирался на поддержку части боярства, во всяком случае, своего феодального окружения. В правосознании общества (пусть даже его части) Олег стал восприниматься уже не как абстрактный глава феодальной корпорации, а как собственник вполне реальной Древлянской земли. Поэтому он и решился на убийство Люта, понимая, вне сомнения, что этот шаг повлечет за собой гнев Ярополка.

Историки уже обращали внимание на то, что хотя «Повесть временных лет» свидетельствует о неустанных происках Свенельда против древлянского князя и подстрекательстве им киевского властелина к войне («и молвяше всегда Ярополку Свеналд: «Пойди на брат свой и прими волость его»), поход Ярополка на Олега состоялся лишь через два года, что в условиях того времени было крайне замедленной реакцией. Это заставляет нас почти наверняка исключить мотив мести как движущей силы в этом военном предприятии. Прав О. М. Рапов, утверждая: «Из текста летописи вытекает, что поход Ярополка в Древлянскую землю был организован, чтобы лишить Олега его земельных владений»[39]. Борьба Ярополка с Олегом была, таким образом, борьбой старых норм феодального землевладения и представлений о нем с новыми.

Олег погиб в войне с братом и «прия власть его всю Ярополк», кажется, все встало на свои места. Но перелом в общественном правосознании уже бесповоротно свершился. Олег остался в памяти своих сограждан как первый частный владелец одной из древнерусских земель. Так, думается, начала складываться в обычном праве норма, закрепившая затем, в XI в., в «Русской Правде» принцип княжеского индивидуального землевладения.

[1] ПВЛ : Текст и перевод / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц,— М.; Л., 1950.— С. 53.

[2] *Там же.—С.* 49.

[3] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен.— М., 1959,— Кп. 1. (Т. 1—2).— С. 163.

[4] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в.—М., 1977.—С. 14.

[5] *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводо? / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова.—М.; Л., 1950.—С. 109.

[6] *Свердлов М, В.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси.— Л., 1983.—С. 47.

[7] См.: *Marx K.* Secret diplomatic history of the eighteentli Century.— London, 1899 (Part V).

[8] *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV гг. *Ц Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепним. Л. В.* Пути развития феодализма.—М., 1972.—С. 152.

[9] *ПВЛ.*— Ч. 1,— С. 20, 31.

[10] *Там же.—С.* 39.

[11] *Маркс К., Енгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— М., 1955.— Т. 3.- С. 20.

[12] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших летописных сводах.— Спб., 1908.— Гл. XIV.— С. 340—378.

[13] См., напр.: *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства.— Л., 1945.— С. 247,

[14] *ПВЛ.—Ч.* 1.—С. 40.

[15] *Там же.—С.* 43.

[16] *Там же.*— С. 52.

[17] *Там же.*

[18] *Татищев В. Н.* История Российская.— М.; Л,, 1963.— Т. 2.— С. 53.

[19] *Карамзин Н. М.* История государства Российского.—Спб., 1897.—Т. 1,— С. 151.

[20] *Соловьев С. М.* Указ. соч.— С. 170.
[21] *Мавродин В. В.* Указ. соч.— С. 292.
[22] *Греков Б. Д.* Киевская Русь.— М., 1953.— С. 467.
[23] См., напр.: *Рапов О. М.* Указ. соч.— С. 32.
[24] *Свердлов М. Б.* Указ. соч.— С. 73.
[25] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории.— Л., 1974.—С. 46.
[26] *История* Украинской ССР.— Киев, 1981.— Т. 1.—С. 348.
[27] *Соловьев С. М.* Указ. соч.— С. 170.
[28] *Греков Б. Д.* Указ. соч.— С. 129 (эти мысли ученый высказывал с начала 30-х годов, во всех предыдущих изданиях «Киевской Руси» и положенных в ее основу предыдущих работах).
[29] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.— М.; Л., 1946.— С. 94.
[30] *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси.— М.; Л., 1939.— С. 51—52.
[31] *Бахрушин С. В.* Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист.— 1937.—№ 3.—С. 169.
[32] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси.—С. 96.
[33] *Зимин А. А.* Холопы на Руси.— М., 1973.—С. 53—55.
[34] *Свердлов М. Б.* Указ. соч.— С. 71.
[35] *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.—С. 158.
[36] *Зимин А. А.* Указ. соч.— С. 73.
[37] *Черепнин Л. В.* Указ. соч.— С. 158.
[38] *Зимин А. А.* Указ. соч.—С. 49.
[39] *Рапов О. М.* Указ. соч.—С. 32.